

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ, ИНСТИТУТЫ, ДИСКУРСЫ, МЕНТАЛЬНОСТИ: ДИНАМИКА И ЭВОЛЮЦИЯ

Культуроцентризм в современном научном и художественном сознании

DOI 10.15826/koinon.2020.01.1–2.010

УДК 316.728 + 304.3 + 141.3 + 303.02

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ БЫТИЯ И ПОЗНАНИЯ

Е. Н. Яркова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

Аннотация: Статья посвящена широко бытующему в современном отечественном общественно-политическом и социально-гуманитарном дискурсе понятию «культуроцентризм». В качестве объекта исследования выступают тексты отечественных и зарубежных исследователей, в которых это понятие фигурирует. Предметное поле исследования — совокупность значений и статус понятия «культуроцентризм». Основные методы исследования — качественный контент-анализ, герменевтика, компаративистика. Культуроцентризм рассматривается с различных позиций: как стратегия социального бытия, как научно-исследовательская программа, как мировоззренческий принцип. Представлены разные интерпретации концепта «культуроцентризм», позитивные и негативные характеристики явления, им обозначаемого. Обосновывается недопустимость отождествления культууроцентризма с культурным консерватизмом, культурным монизмом, культурным изоляционизмом, тоталитарной идеологией, экзистенциальной унификацией, методологическим редукционизмом, онтологическим эссенциализмом. Констатируется, что понятие «культуроцентризм» может претендовать на статус метапонятия, стоящего в одном ряду с такими метапонятиями, как «геоцентризм», «антропоцентризм», «натуроцентризм», «социоцентризм», при условии его

принятия мировым научным сообществом в качестве инструмента познания социокультурных институтов и процессов, открывающего новые горизонты в понимании жизни человека и общества.

Ключевые слова: Культуроцентризм, социальная стратегия, научно-исследовательская программа, мировоззренческая позиция, полицентризм, эссенциализм, экзистенциализм.

Для цитирования: Яркова Е. Н. Культуроцентризм как стратегия бытия и познания // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 199–215. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.010

CULTURAL CENTRISM AS A STRATEGY OF BEING AND COGNITION

E. N. Yarkova

Tyumen State University
Tyumen, Russia

Abstract: The article considers the widespread in contemporary socio-political and socio-humanitarian discourse the concept of cultural centrism, and the phenomenon it implies. The objects of study are the texts of Russian and foreign researchers that introduce this concept. The subject of our study is a set of values and status of cultural centrism. The research methods involve content analysis, hermeneutics, and comparative studies.

The author examines cultural centrism from different perspectives: as a strategy of social being, as a research program, as the worldview principle. She also offers various interpretations of cultural centrism, and the positive and negative characteristics of the phenomena they denote. Besides, the paper emphasizes that cultural centrism should not be confused with cultural conservatism, cultural monism, cultural isolationism, totalitarian ideology, existential unification, methodological reductionism, ontological essentialism. In conclusion, the author states that the concept of cultural centrism can claim the status of meta-concept standing in one row with such meta-concepts as geocentrism, anthropocentrism, nature-centrism, socio-centrism. But it is possible only on the condition that the international intellectual community accepts it.

Key words: Cultural centrism, social strategy, research program, worldview, polycentrism, essentialism, existentialism.

For citation: Yarkova, E. N. (2020), "Cultural Centrism as a Strategy of Being and Cognition", *Koinon*, vol. 1, no. 1–2, pp. 199–215 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.010

Преамбула

Одним из широко бытующих в современном отечественном социально-гуманитарном дискурсе является, звучащее одновременно поэтично и рационалистично, понятие «культуроцентризм». Решение предпринять погружение в семантику этого сложносоставного понятия созрело под давлением следующих обстоятельств: нарастающей диффузии этого понятия, проникающего во всё более широкие дискурсивные пространства; чрезвычайной расплывчатости его семантики и, как следствие, превращения в «яблоко раздора» — споров относительно его как социально-политической, так и теоретико-методологической валидности.

Распутывание хитросплетения смысловых нитей, из которых складывается семантика понятия «культуроцентризм», требует релевантного методологического инструментария. В качестве такового избраны: качественный контент-анализ, герменевтика и компаративистика.

Потребность в семантических штудиях понятия «культуроцентризм» представляется очевидной, поскольку анализ различной литературы показывает, что это понятие претендует на статус метапонятия, номинирующего не только определенную стратегию общественно-политического бытия, когнитивную установку, но и мировоззренческую позицию. Таким образом, ответ на вопрос: что есть «культуроцентризм» — очередной модный термин, обозначающий всё что угодно и ничего конкретно, или принципиально важный концепт, открывающий новые горизонты в понимании жизни человека и общества, представляется своевременным.

Культуроцентризм как социальная стратегия

Обращение к текстам, включающим понятие «культуроцентризм», показывает, что в отечественной социально-гуманитарной науке это понятие используется, в первую очередь, для обозначения стратегии социального бытия, в рамках которой культура — речь идет о духовной культуре — выступает в качестве главного ориентира человеческой деятельности и социального взаимодействия.

Значительная часть российских исследователей позиционирует культууроцентризм как стратегию в высшей степени созидательную — основу личностной идентичности, фундамент общественного согласия, катализатор социального и личностного роста.

А. С. Панарин определяет культууроцентризм как тип мышления, связанный с тяготением к духовным измерениям и приоритетам, характеризующий постэкономического человека и постиндустриальную цивилизацию и противостоящий «техноцентризму», присущему человеку экономическому и, соответственно, цивилизации индустриальной [Панарин 1995]. Культуроцентризм, на его взгляд, есть способ преодоления социальной разобщенности:

«В культуроцентричном космосе нет индивидов-атомов, ибо культура, как и религия, означает связь, объединение людей на основе общих ценностей» [Панарин 2007, с. 15].

В. И. Толстых репрезентирует культуроцентризм как следующую после техноцентризма ступень развития человеческой цивилизации. Под культуроцентризмом исследователь понимает преобразование в новое качество всей духовно-мотивационной сферы любой человеческой деятельности, повышение статуса нравственных, религиозных и собственно личностных факторов в процессе становления цивилизации «постматериальных ценностей» [Толстых 2003, с. 383–400].

В. С. Библер представляет культуроцентризм как особую, сложившуюся в XX в., ситуацию, связанную с выдвиганием культуры в эпицентр всех человеческих деяний, в результате чего бытие мира понимается как произведение культуры [Библер 1997, с. 233–243].

А. Я. Флиер утверждает, что выдвинутая В. М. Межуевым модель эволюции философской, научной и общественной мысли: «натуроцентризм» — «социоцентризм» — «культуроцентризм» отражает тенденцию возрастания роли культурных оснований и стимулов социальной активности людей [Флиер 2011, с. 10].

А. С. Запесоцкий выдвигает идею культуроцентристской модели образования, суть которой заключается в приверженности к гуманитарной культуре — нравственности, религии, философии, творчеству. Он полагает, что погружение технологического блока образования в общекультурный контекст позволяет минимизировать сопровождающий эпохи реформаций кризис идентичности [Запесоцкий 2008].

О. Ф. Морозова позиционирует культуроцентризм как наиболее эффективную управленческую стратегию: «Мы убеждены, что привнесение принципа культуроцентризма в теорию и практику управления социокультурными системами может способствовать оптимизации современной российской политики» [Морозова 2014, с. 141, 143].

Л. Л. Шпак и Е. В. Головацкий характеризуют культуроцентризм как стратегию развития российских регионов, специфика которой заключается в концентрации внимания на факторном воздействии культуры и на культурных последствиях социального и политического развития [Шпак, Головацкий 2011].

Однако далеко не все исследователи, прибегающие к понятию «культуроцентризм», склонны рассматривать стратегию, им обозначаемую, как созидательную. Существует обширный пласт научной литературы, где культуроцентризм подвергается серьезной, разносторонней критике.

Один из векторов этой критики — развенчание культуроцентризма как экзистенциальной унификации, сводящей бытие человека и общества к культуре, тем самым урезающей его всеобъемлющую полноту. В основании такого видения лежит, как представляется, убеждение, что залогом аутентичности

человеческого бытия является многообразие его аспектов, исключаящее какую-либо их иерархию, точнее, предоставляющее самому человеку установление таковой. Именно так мыслит А. В. Павлов, дискредитирующий идею культуроцентризма на том основании, что «человек — существо не культурное, и даже не биосоциокультурное, а многофакторное, он — обладающее способностью к самобытию, самосознанию и действию, зеркало многочисленных ситуаций, в какие вплетена его жизнь» [Павлов 2017, с. 116].

С. Н. Артановский, выступая с критикой концепции культуроцентристского образования А. С. Запесоцкого, утверждает, что «человеческое бытие... есть многополюсный мир. И задача философии не в поисках надуманных “центров”, а в том, чтобы показать многосторонность человеческого бытия и прийти к такой концепции образования, которая эту многосторонность, многоаспектность существования человека поощряет и культивирует» [Артановский 2004, с. 166]. Нельзя не признать конструктивность этой критики, связанной хотя бы с опасностью абсолютизации любого принципа. Однако, выступая в защиту стратегии культуроцентризма, необходимо констатировать, что восходящая к постмодернистской философии идея мотивационной анти-иерархичности человеческой деятельности выглядит убедительно только теоретически. В реальности общество людей, в поведении которых не существует иерархии между, скажем, природными инстинктами, материальными интересами и нравственными, духовными ценностями, едва ли можно рассматривать как «хорошее», тем более как эталон общественного бытия для современного, пораженного anomie российского социума.

Во многом понимание культуроцентризма как принципа, сужающего горизонты человеческого бытия, обусловлено негативной реакцией на давнюю российскую традицию сопряжения высокой духовности с бедностью, мирской неустроенностью, хозяйственной примитивностью. Однако, как следует из рассуждений сторонников культуроцентризма, последний вовсе не предполагает пролонгации этой традиции. Например, В. И. Толстых предупреждает, что «красивая формула культуроцентризма может быть истолкована деструктивно в плане противопоставления культуры и экономики, культуры и техники, что влечет превращение этого понятия в метафору» [Толстых 2003, с. 389]. Конструктивное содержание формулы культуроцентризма, по мнению философа, заключается в том, чтобы перевернуть мир техногенной цивилизации, в котором поменялись местами цели и средства. Эта формула, по убеждению Толстых, выражает и несет в себе интенцию на новые ценности и жизненные смыслы, которые должны прийти на смену ценностям потребительского общества и стать духовной основой нового типа цивилизационного развития. Нечто подобное находим у А. С. Запесоцкого, который видит миссию культуроцентризма в «адаптации цивилизационной мощи новых технологий к базовой системе культурных ценностей» [Запесоцкий 2008, с. 18].

Другой вектор критики культуроцентризма — его отождествление с культурным консерватизмом, традиционализмом. Именно так мыслит Ю. Г. Марченко, прибегающий к понятию «культуроцентризм» для продвижения традиционализма как оптимальной модели бытия современного российского общества: «Сегодня для русской культуры более важна консервативно-охранительная активность национально мыслящего образованного слоя общества, защитная, сберегающая, восстановительная и даже (в части дел) запретительная» [Марченко 2008, с. 141, 149].

Реабилитируя идею культуроцентризма, необходимо констатировать, что между культуроцентризмом и традиционализмом нельзя ставить знак равенства, и не только потому, что целое несводимо к его части, но, главным образом, потому, что сам принцип культуроцентризма, в понимании его сторонников, включает в себя представление о ценности творчества. Не случайно он рассматривается как мотивационное основание жизнедеятельности постиндустриального общества, основным ресурсом которого выступает «человеческий капитал» — творчество в многообразии его форм. В связи с этим показательна позиция О. Ф. Морозовой, квалифицирующей культуроцентризм как важнейший фактор культуросозидания [Морозова 2011, С. 14].

Еще один вектор критики культуроцентризма — понимание культуроцентризма как порождающего ассимиляционные тенденции культурного монизма. Так, Е. Л. Антонова и А. Е. Таранова рассматривают культуроцентризм как оппозицию мультикультурализму, поясняя, что мультикультурализм — продукт центробежных, а культурный монизм — центростремительных тенденций в культуре [Антонова, Таранова 2011]. Подобным образом квалифицируются культуроцентристские стратегии в значительной части англоязычной литературы, где понятие «cultural centrism», как правило, используется для характеристики межкультурной коммуникации и отождествляется с понятиями «ethnocentrism», «nationalism». Один из представителей «межкультурной философии», Франц М. Виммер, выделяя четыре типа культурного центризма: экспансионистский, интегративный, сепаратистский и транзиторный, противопоставляет им в качестве позитивной альтернативы нонцентризм, плюрализм и диалогизм [Wimmer 2002].

Итак, можно ли поставить знак равенства между культуроцентризмом и культурным монизмом? На первый взгляд — да, поскольку в первом приближении понятия «культуроцентризм» и «культурный плюрализм» предстают как антонимы, а фразеологизм «культуроцентристский плюрализм» — как оксюморон. Однако ход мыслей, согласно которому лексема «культуроцентризм» обозначает центростремительные тенденции в культуре, а лексема «культурный плюрализм» — центробежные, поверхностен. В сущности, он опирается на представления о наличии некоторой доминирующей культуры,

претендующей на звание культурного центра и периферийных культур, отстаивающих свою значимость и независимость от этого центра.

Без сомнения, возможна и иная перспектива рассмотрения понятий «культуроцентризм» и «культурный плюрализм», в пространстве которой они не предстают как слова противоположного значения, а фразеологизм «культуроцентристский плюрализм» не воспринимается как сочетание несочетаемого. Эта перспектива открывает мир культуры как изначально плюралистичный. В контексте такого видения понятие «культуроцентризм» означает партиципацию не к некоторому единому культурному центру — доминирующей культуре, но к разным региональным, этническим и т. д. культурам. В сущности, речь идет о культурном полицентризме. Именно так толкуют понятие «культуроцентризм» его создатели и популяризаторы. Например, В. И. Толстых соединяет идею культуросентризма с идеей культурного многообразия «как источника спасительных альтернатив, затребованных ситуацией обнажившихся тупиков и “пределов роста”» [Толстых 2003, с. 389].

Еще один вектор критики культуросентризма — его толкование как культурного изоляционизма.

В западной интеллектуальной культуре сложилась традиция обозначения при помощи понятия «cultural centrism» ментальной установки, в рамках которой реальность рассматривается сквозь призму ценностей и норм «своей» культуры, в результате чего блокируется понимание представителей иных культур, рождаются недоверие, вражда, нетерпимость, фанатизм [International Encyclopedia 1997, p. 145]. Впрочем, тенденция осмысления культуросентризма как культурного изоляционизма достаточно зрима не только в западной интеллектуальной культуре. Например, профессор университета Гонконга Д. Хо призывает бороться с культуросентризмом как формой эгоцентризма [Ho 1995, p. 22].

Выступая в защиту идеи культуросентризма, необходимо констатировать, что сам по себе принцип партиципации к духовной культуре, будь то культура этническая, расовая и т. д., не содержит ксенофобии и фанатизма. Культуросентризм — не только не препятствие межкультурному диалогу, но его исходное условие. Специфика диалогизма как формы межкультурной коммуникации заключается в признании многополюсности мира культуры, нацеленности на сохранение и развитие ценностей «своей» культуры, а также на формирование «срединной культуры» — межкультурных ценностей. Показательна в этом плане оценка культуросентризма как важнейшего условия концептуализации самости человека, а творческих идей — как результата объединения несовместимых культурных традиций [Chiu, Hong 2005]. Еще более показательна позиция В. Библера, позиционирующего культуросентризм и диалог как звенья единой стратегической цепи. Философ определяет самую культуру как диалог культур: «...культура есть форма общения (диалога) культур. Культура есть

там, где есть две культуры... Культура — это грань культур, момент их взаимодействия и взаимовосстановления как культуры» [Библер 1997, с. 234].

Наконец, значимым вектором критики культуроцентризма является его квалификация как разновидности тоталитарной идеологии. Связь между культуроцентризмом и коммунитаризмом, предполагающим наличие формирующей и тотализирующей функции сообщества по отношению к личности, фиксирует А. А. Сладкова [Сладкова 2015]. А. В. Павлов квалифицирует культуроцентризм как навязываемый властью общественно-политический строй, идущий в нашей стране на смену коммунизму [Павлов 2017].

Однако едва ли можно поставить понятие «культуроцентризм» в один ряд с такими обозначающими виды идеологий понятиями, как «коммунизм», «либерализм» и т. д.; или с такими именующими политические режимы понятиями, как «тоталитаризм», «авторитаризм» и т. д. Понятие «культуроцентризм» порождено иным, превосходящим первичное обобщение наличных форм социального бытия уровнем рефлексии, в качестве однопорядковых ему выступают понятия «натуроцентризм», «антропоцентризм», «социоцентризм» и т. д.

В целом, если искать причины неприятия идеи культуроцентризма, то таковые лежат в мировоззренческой плоскости и связаны с теоцентрическим, антропоцентрическим, социоцентрическим и т. д. прочтениями этой идеи, что с неизбежностью ведет к «втискиванию» понятия «культуроцентризм» в инородный контекст, следовательно, его наполнению инородными смыслами. Так, на фоне антропоцентризма культуроцентризм выглядит как принцип, ограничивающий самовластие человека, а на фоне социоцентризма — как принцип, вносящий хаос в сложившиеся универсальные социологические схемы и модели.

Культуроцентризм как научно-исследовательская программа

Значительное количество текстов включает понятие «культуроцентризм» в значении когнитивной установки, научно-исследовательской программы.

Развернутое определение культуроцентризма как научно-исследовательской программы дает В. Г. Федотова, утверждающая, что идея культуроцентризма формируется в русле неокантианской традиции, теоретическое ядро которой составляет принцип различения культурных и природных объектов и выражается в трактовке культуры как наиболее значимого в теоретическом и методологическом плане феномена общества, требующего собственных методов исследования. Появление культуроцентристского подхода исследователя связывает с установлением границ методологии каузального объяснения и противопоставлением ему методологии понимания [Федотова 2001, с. 78–89].

Нельзя не согласиться с тем, что культуроцентризм как когнитивная установка генетически восходит к неокантианству, а точнее говоря, к оригинальной

теории познания Г. Риккерта, в русле которой культура рассматривается как совокупность благ (государство, право, хозяйство, язык...), создаваемых сообразно всеобщим ценностям (истина, добро, справедливость...); а основным методом ее изучения выступает «метод отнесения к ценности», нацеленный на выявление ценностей, заложенных в те или иные культурные блага [Rickert 1921].

Однако культуроцентризм имеет прямое отношение к еще одной методологической традиции — речь идет о понимающей социологии, или культурсоциологии, М. Вебера, полагавшего, что изучение общества должно отталкиваться от истолкования культурного смысла человеческих действий [Weber 1959].

Разумеется, названными методологическими парадигмами «родословная» культуроцентристской научно-исследовательской программы не исчерпывается, однако именно в их пространстве формируется важное для осмысления ее сути представление о широком и узком ракурсах рассмотрения культуры. Как представляется, этот важный момент не учитывается оппонентами культуроцентризма, ставящими под сомнение его операциональность, ввиду многозначности понятия «культура» [Миненко 2006].

Действительно, если рассматривать культуру широко — с феноменальных позиций как вторую природу, мир искусственных, созданных человеком объектов, то идея культуроцентризма расплывается и методологически ничего не означает. Если же обратиться к узкому — ноуменальному, сущностному пониманию культуры как сферы ценностей и смыслов, мотивирующих процессы созидания второй природы, мира искусственных объектов, то идея культуроцентризма обретает четкость, методологическую определенность. Основу культуроцентристской научно-исследовательской программы составляет процедура экспликации ценностно-смысловых оснований человеческой деятельности и социального взаимодействия, что превращает герменевтику во всеобщий методологический фундамент социально-гуманитарного знания.

Актуализация культуроцентризма связана с радикальным эпистемологическим разрывом — сменой базовых теоретических понятий и способов объяснения, а вместе с ними и предмета научных исследований. В отечественной науке культуроцентризм возникает в результате кризиса формационного подхода и перехода к подходу цивилизационному. Суть этого перехода заключается в отказе от абсолютизации методологии объяснения и включения в исследовательский арсенал методологии понимания.

Критики культуроцентризма интерпретируют его как одну из форм методологического редукционизма. Например, Г. Н. Миненко полагает, что культуроцентризм есть не что иное, как «абсолютизация культурного детерминизма», вследствие которой ни биопсихологические, ни социальные детерминанты в расчет не принимаются [Миненко 2006].

Апологеты, напротив, связывают появление культуроцентризма с ориентацией на разработку концепции «целостной личности», «органичного социума»

в их взаимосвязи и единстве природного, социального и духовного компонентов [Сомкин 2011]. А. А. Кара-Мурза, А. С. Панарин, И. К. Пантин указывают: «Приходится также признать, что мышление значительной части сегодняшней российской элиты по-прежнему поражено застарелой болезнью одномерного техно- и экономоцентризма, связанного с некогда господствовавшим образом общества как “большой фабрики”. Этот образ совершенно неадекватен тенденциям надвигающейся постиндустриальной эпохи, требующей существенного преобразования общих парадигм научного мышления в духе *культуроцентризма и плюрализма*» [Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995, с. 9].

Действительно, на первый взгляд культуροцентризм предстает как разновидность методологического редукционизма. Именно так толкует культуροцентризм Н. О. Осипова, рассматривающая его как неперенный и неотъемлемый аспект методологии современного гуманитарного знания, а культурологию — как метанауку, принимающую на себя функции, ранее принадлежавшие философии [Осипова 2008].

Вместе с тем культуροцентризм являет собой особую форму редукционизма, не сводящего сложное к простому, многообразное к единообразному, но, напротив, открывающего перспективы стереоскопического видения социальных, антропных явлений и процессов, во всем многообразии их аспектов и порождающих факторов.

Это происходит вследствие, во-первых, «текстуализации» этих явлений и процессов, т. е. восприятия человеческой деятельности и ее продуктов как подлежащих всесторонней реконструкции «культурных текстов»; во-вторых, выдвигения на первый план такого универсального метода, как метод герменевтики, не исключающий, а предполагающий альтернативные варианты понимания; в-третьих, направленности не на сведение социально-гуманитарного знания к знанию культурологическому, а на синтез различных подходов, понимаемый как синтез различных интерпретаций, т. е. осмысление некультуроцентристских подходов как иных интерпретационных проектов.

Таким образом, культуροцентризм предстает как особая научно-исследовательская программа, в рамках которой не только социальные, антропные процессы и явления, но и сложившиеся социологические, антропологические способы их объяснения рассматриваются как подлежащие интерпретации и реинтерпретации продукты культуры. Тем самым культуροцентризм достигает звания «метаподхода», т. е. особого подхода, не только открывающего новые перспективы видения реальности, но и не заслоняющего уже существующих.

Конечно, культуροцентризм — продукт рефлексии не только первого, но и второго порядка, поскольку в пространстве порожденного им дискурса рассматривается не только социально-антропная реальность, но и уже сложившиеся способы ее рефлексии. Можно ли в таком случае считать, что культурология призвана вытеснить философию?

Едва ли, поскольку культуроцентризм отнюдь не является прерогативой только культурологического знания, равно как, скажем, антропоцентризм нельзя считать «вотчиной» исключительно антропологии, а «социоцентризм» — социологии.

Следует отметить высокую эвристичность культуроцентризма как научно-исследовательской программы — экспансия культуроцентристских когнитивных практик в различные области науки: политологию (Х. Файнер, Г. Алмонд, С. Верба), социологию (Р. К. Мертон, Т. И. Заславская, А. С. Ахиезер), науку управления (Ч. Хенди, Г. Хофстеде), эволюционную эпистемологию и социологию науки (М. Малкей, Штарнбергская группа), стала пусковым механизмом «прорывных научных исследований», способствовала значительному росту научного знания.

В целом формирование понимающей социологии, понимающей политологии, понимающего менеджмента и даже понимающего естествознания можно уподобить революции в мышлении. Суть таковой заключается в том, что любое, даже широко обоснованное эмпирически, знание о мире начинает рассматриваться как знание, опосредованное культурой. Культуроцентризм неотделим от представления о «реляционной структуре человеческого знания» (К. Мангейм), обусловленности познания бытующей интерпретацией мира. Это обстоятельство огласил М. Малкей, полагающий, что эмпирические данные в науке пронизаны теоретическими и языковыми интерпретациями, что позволяет ученым конструировать различные объяснения реальности, активно используя имеющиеся в обществе языковые, символические, культурные ресурсы [Mulkey 2015].

Культуроцентризм как мировоззренческая позиция

Современная отечественная философия стоит перед проблемой формирования новой онтологии. Как представляется, парафраз евро-американских онтологических штудий — Спекулятивного реализма, Объектно-ориентированной онтологии, Акторно-сетевой теории и др., несомненно, интересен, но, так или иначе, загоняет российскую онтологическую мысль в ловушку «догоняющего развития».

Можно ли рассматривать культуроцентризм как аттрактор, стягивающий в единую систему сложившиеся представления о мире, человеке, обществе и, тем самым, закладывающий фундамент новой онтологии?

В определенном смысле — да. В макроскопическом видении культуры как человеческого по определению вида бытия идея культуроцентризма заключается в телеологическом позиционировании культуры как цели планетарной эволюции и особой творческой силы, призванной в дальнейшем координировать эту эволюцию. В таком прочтении понятие «культура» сопрягается с понятием

«ноосфера». В. И. Вернадский считал преобразование биосферы в ноосферу процессом, осуществляемым при помощи особого рода энергии — энергии человеческой культуры [Вернадский 1988]. Однако, как это ни печально, культура создает не только ноосферу как сферу разума. Будучи не просто исконно «человеческим», но «слишком человеческим» феноменом, культура является прародительницей и «атасферы» (Ф. А. Селиванов) — сферы глупости. Именно эта двойственность культуры, связанная с пересечением в ее пространстве ноосферы и атасферы, т. е., по сути, конструктивных и деструктивных сил, создает значительные препятствия на пути утверждения культуры как цели человеческого бытия. Современные исследователи решают эту проблему по-разному: например, М. Ю. Шишин, делает это посредством дифференциации культуры, вводя понятия «анти-культура» (разрушительные продукты и смыслы человеческой деятельности), «а-культура» (ценностно нейтральные продукты и смыслы человеческой деятельности) и «истинная культура» (продукты и смыслы человеческой деятельности, заданные высшими бытийными ценностями) [Шишин 2007].

Вместе с тем, как представляется, в определении культуроцентризма как мировоззренческой и онтологической позиции вопрос, условно говоря, «качества» культуры в некотором смысле является уже решенным в пользу «истинной культуры». Как, например, в случае с антропоцентризмом, когда ответ на вопрос о том, какого именно человека — хорошего или плохого — следует считать мерой всех вещей, был сам собой разумеющимся, поскольку человеческие пороки рассматривались как отклонения от нормы, т. е. не как субстанциональные, а как акциденциальные свойства.

Если говорить о предпосылках становления культуроцентризма как онтологической позиции, то наиглавнейшей из них следует признать состоявшееся в философии конца XIX — XX столетия переосмысление онтологического статуса культуры. Суть этого переосмысления — в преодолении сложившегося еще в Античности отношения к культуре как к эпифеномену, явлению по определению вторичному, производному и наделению культуры статусом особой, несводимой к другим, реальности. Такая метаморфоза повлекла переосмысление сложившейся в философии XX в. картины мира, в результате которой помимо таких подсистем бытия, как природа, человек, общество, была выделена и культура. Значительный вклад в это преобразование внес М. С. Каган, констатирующий: «Деятельность человека породила новую — четвертую — форму бытия — культуру». Заметим, что ученый репрезентирует культуру не просто как равную среди равных форму бытия, но как реальный способ связи природного и социального в человеке, т. е., условно говоря, как некоторую «соединительную субстанцию», связывающую различные формы бытия в единое целое [Каган 1996, с. 43, 46].

Еще дальше в этом направлении идет Ю. В. Ларин, рассматривающий культуроцентризм как мировоззренческий принцип не просто приходящий

на смену космоцентризму, теоцентризму, антропоцентризму и т. д., а как принцип, вбирающий в себя эти позиции [Ларин 2016].

Наконец, предельно радикален в понимании приоритета культуры над иными сферами бытия А. П. Назаретян, в видении которого выдвижение культуры на вершину бытия обусловлено прагматикой выживания. Нарастающая зависимость жизни человека от искусственных технологий превращает развитие культуры в главное условие его существования: «Квинтэссенцию “культуроцентризма” рискну выразить следующей гротескно заостренной формулировкой: в иерархии стратегических задач сохранение культуры важнее и, главное, реалистичнее сохранения эмпирического человека (или: искусство выше естества)» [Назаретян 1992, с. 183].

Итак, имеет ли право на существование культуροцентристская онтология? Несомненно, имеет, но при одном важном условии. Такая онтология вряд ли возможна в рамках эссенциалистской парадигмы. Рассмотрение культуры как сущностного основания мироздания, его исходного субстрата или эйдетического каркаса — нонсенс. Как, впрочем, нелепа и оценка культуροцентризма посредством апелляции к «советской школьной философии», схематически разделяющей сложившиеся онтологические системы на «материализм» и «идеализм».

Культуроцентристская онтология возможна лишь в рамках экзистенциальной парадигмы, в перспективе которой культура предстает как совокупность экзистенциалов — модусов человеческого существования, сложившихся смыслов, которые переосмысливаются в процессе обретения человеком своей самости, своего уникального, аутентичного смысла бытия. Конечно, речь не идет о простом «стяжании» искомых смыслов. Культура выступает как некий «семантический арсенал», без которого смыслообразование, будучи процессом смыслового синтеза, было бы неосуществимо. Таким образом, культуροцентризм выступает как основа «культуротворческого мировоззрения» (А. Швейцер), лежащего в основании процессов возрождения общества, его выхода из эволюционных тупиков.

Список литературы

- Антонова, Таранова 2011 — Антонова Е. Л., Таранова А. Е. Мультикультурализм и культурный консерватизм в контексте социокультурных трансформаций реформируемой России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 2. С. 20–24.
- Артановский 2004 — Артановский С. Н. Культура для человека или человек для культуры? Критика концепции культуροцентризма // Вестник Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2004. № 1 (2). С. 165–166.
- Библер 1997 — Библер В. С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.

- Вернадский 1988 — *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 522 с.
- Запесоцкий 2008 — *Запесоцкий А. С.* Идея культуроцентристской модели образования // Культурно-антропологические основы образовательной деятельности: к вопросу о разработке культуроцентристской модели высшего образования / под ред. А. С. Запесоцкого. СПб. : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2008. С. 11–26.
- Каган 1996 — *Каган М. С.* Философия культуры. СПб. : ИД «Петрополис», 1996. 415 с.
- Кара-Мурза, Панарин, Пантин 1995 — *Кара-Мурза А. А., Панарин А. С., Пантин И. К.* Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 6–17.
- Ларин 2016 — *Ларин Ю. В.* Грёзы по культуре // Философия и культура. 2016. № 4 (100). С. 559–567.
- Марченко 2008 — *Марченко Ю. Г.* Особенности бытия русской культуры в постсоветский период С. 139–146.
- Миненко 2006 — *Миненко Г. Н.* Содержание и границы принципа культуроцентризма // Ученые записки научно-исследовательского института прикладной культурологии. Кемерово : Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2006. Т. 2. С. 11–22.
- Морозова 2011 — *Морозова О. Ф.* Культурные детерминанты социального управления : автореф. дис. ... д-ра культурологии. М. : Гос. акад. славян. культуры, 2011. 51 с.
- Морозова 2014 — *Морозова О. Ф.* Культуроцентризм в управлении коммуникациями // Психология в экономике и управлении. 2014. № 1. С. 140–144.
- Назаретян 1992 — *Назаретян А. П.* Беспределен ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах) // Общественные науки и современность. 1992. № 5. С. 176–183.
- Осипова 2008 — *Осипова Н. О.* Культуроцентризм как аспект методологии современного гуманитарного знания // Высшее образование для XXI века : V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г. : доклады и материалы. Ч. 2 / отв. ред. А. В. Костина. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. С. 19–23.
- Павлов 2017 — *Павлов А. В.* Перспектива неомодерна. Культуроцентризм // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 113–118.
- Панарин 1995 — *Панарин А. С.* «Конец либеральной эпохи» или культуроцентризм как постиндустриальная социокультурная «фаза ретро» // Полис. Политические исследования. 1995. № 1. С. 128–130.
- Панарин 2007 — *Панарин А. С.* К реконструкции «Второго мира» // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2007. № 2. С. 12–16.
- Сладкова 2015 — *Сладкова А. А.* Альтернатива деонтологизма и культуроцентризма в истолковании социальной легитимации // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Философия. 2015. № 2. С. 212–216.
- Сомкин 2011 — *Сомкин А. А.* Культуроцентризм как основное направление формирования современной социогуманитарной парадигмы [Электронный ресурс] // Межкультурная коммуникация в современном обществе : материалы II Междунар. науч. конф. Саранск, 26 сентября — 31 октября 2011 г. (Язык. Культура. Общество). Вып. 3. URL: <http://englishleo.ru/yazik/2011-21.php> (дата обращения: 27.09.2020).
- Толстых 2003 — *Толстых В. И.* Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / с предисл. и послесл. М. С. Горбачева. М. : Альпина Паблишер, 2003. С. 36–41.
- Федотова 2001 — *Федотова В. Г.* Социальные и гуманитарные науки и их функции в обществе // Социальные знания и социальные изменения / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФРАН, 2001. С. 78–89.
- Флиер 2011 — *Флиер А. Я.* Культурология 20-11. Авторский сборник эссе и статей. М. : Согласие, 2011. 560 с.
- Шишин 2007 — *Шишин М. Ю.* Онтология искусства с позиций ноосферного учения // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. 2007. № 1. С. 318–362.

- Шпак, Головацкий 2011 — Шпак Л. Л., Головацкий Е. В. Локализм и культуроцентричность в переходном обществе: социологический анализ // Идеи и идеалы. 2011. Т. 2. № 3 (9). С. 33–46.
- Chiu, Hong 2005 — Chiu Chi-yue, Hong Ying-yi. Cultural Competence: Dynamic Processes // Handbook of competence and motivation / ed. by A. J. Elliot, C. S. Dweck. New York : Guilford Publications, 2005. P. 489–505.
- Ho 1995 — Ho D. Y. F. Internalized culture, culturocentrism, and transcendence // The Counseling Psychologist. 1995. Vol. 23 (1). P. 4–24.
- International Encyclopedia 1997 — International Encyclopedia of Systems and Cybernetics / ed. by Ch. Francois. Munich : K. G. Saur, 1997. 423 p.
- Mulkay 2015 — Mulkay M. J. Science and the Sociology of Knowledge. London : George Allent & Unwin, 2015. 120 p.
- Rickert 1921 — Rickert H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1921. 169 s.
- Weber 1959 — Weber K. M. Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik // Weber K. M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen : J. C. B. Mohr, 1959. S. 215–290.
- Wimmer 2002 — Wimmer F. M. Essays on Intercultural Philosophy. Chennai-Madras : Satya Nilayam Publications, 2002. 134 p.

References

- Antonova, E. L. and Taranova, A. E. (2011), “Multiculturalism and Cultural Conservatism in the Context of Socio-cultural Transformations of Reforming Russia”, *Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice*, no. 8, part 2, pp. 20–24 (in Russian).
- Artanovskii, S. N. (2004), “Culture for Humans or Human Culture? Criticism of the Concept of Culture-centrism”, *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, no. 1 (2), pp. 165–166 (in Russian).
- Bibler, V. S. (1997), *Na granyah logiki kul'tury. Kniga izbrannyh ocherkov* [On the Faces of the Logic of Culture. The Book of Selected Essays], Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, Moscow, 440 p. (in Russian).
- Chiu, C.-Y. and Hong, Y.-Y. (2005), “Cultural Competence: Dynamic Processes”, in Elliot, A. J. and Dweck, C. S. (eds), *Handbook of competence and motivation*, Guilford Publications, New York, pp. 489–505.
- Fedotova, V. G. (2001), “Social Sciences and Humanities and their Functions in Society”, in Fedotova, V. G. (ed.), *Social'nye znaniya i social'nye izmeneniya* [Social Knowledge and Social Change], IFRAN, Moscow, pp. 78–89 (in Russian).
- Flier, A. Ya. (2011), *Kul'turologiya 20 — 11. Avtorskij sbornik esse is tatej* [Culturology 20 — 11. Author's collection of Essays and Articles], Soglasie, Moscow, 560 p. (in Russian).
- Francois, Ch. (ed.) (1997), *International Encyclopedia of Systems and Cybernetics*, K. G. Saur, Munich, 423 p.
- Ho, D. Y. F. (1995), “Internalized Culture, Culture-centrism, and Transcendence”, *The Counseling Psychologist*, vol. 23 (1), pp. 4–24.
- Kagan, M. S. (1996), *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture], Petropolis, Saint Petersburg, 415 p. (in Russian).
- Kara-Murza, A. A., Panarin, A. S. and Pantin, I. K. (1995), “Spiritual-ideological Situation in Today's Russia: Prospective Evolution”, *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 6–14 (in Russian).
- Larin, Yu. V. (2016), “Dreams on Culture”, *Philosophy and Culture*, no. 4, pp. 559–567 (in Russian).
- Marchenko, Yu. G. (2008), “Peculiarities of Genesis of Russian Culture in the Post-Soviet Period”, *Moscow State University Bulletin. Series 18, Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 139–146 (in Russian).

- Minenko, G. N. (2006), "A Content and Scope of the Principle of Cultural Centrism", *Uchenye zapiski Nauchno-issledovatel'skogo instituta prikladnoj kul'turologii*, vol. 2, pp. 11–22 (in Russian).
- Morozova, O. F. (2011), *Kul'turnye determinanty social'nogo upravleniya* [Cultural Determinants of Social Management], Abstract of D. Sc. Dissertation, Gosudarstvennaya akademiya slavyanskoi kul'tury, Moscow, 51 p. (in Russian).
- Morozova, O. F. (2014), "Cultural Centrism in the Management of Cultural Communications", *Psychology in Economics and Management*, no. 1, pp. 140–144 (in Russian).
- Mulkay, M. J. (2015), *Science and the Sociology of Knowledge*, George Allent& Unwin, London, 120 p.
- Nazaretyan, A. P. (1992), "Is Man Infinite? (One More Time about Humanism and its Palliatives)", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 5, pp. 176–183 (in Russian).
- Osipova, N. O. (2008), "Cultural Centrism as the Methodology of Modern Humanitarian Knowledge", in Kostina, A. V. (ed.), *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka, V mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Moskva, 13–15 noyabrya 2008 goda, doklady i materialy. Chast' 2* [Higher Education for the XXI Century: V International Scientific Conference. Moscow, November 13–15, 2008: Reports and Materials. Part 2], Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, Moscow, pp. 19–23 (in Russian).
- Panarin, A. S. (1995), "'The End of Liberal Era' or Cultural Centrism as a Socio-cultural Post-industrial 'Phase' of the Retro", *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 128–130 (in Russian).
- Panarin, A. S. (2007), "The Reconstruction of the 'Second World'", *Vestnik Bibliotechnoi Assamblei Evrazii*, no. 2, pp. 12–16 (in Russian).
- Pavlov, A. V. (2017), "Prospects of Neo-modernism. Cultural Centrism", *Society and Power*, no. 1, pp. 113–118 (in Russian).
- Rickert, H. (1921), *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft*, J. C. B. Mohr, Tübingen, 169 s.
- Shishin, M. Yu. (2007), "Ontology of Art from the Standpoint of Noosphere Doctrine", *Trudy ob"edinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshleniya*, no. 1, pp. 318–362 (in Russian).
- Shpak, L. L. and Golovackii, E. V. (2011), "Localism and Cultural Centricity in Transitive Society: the Sociological analysis", *Ideas and Ideals*, vol. 2, no. 3 (9), pp. 33–46 (in Russian).
- Sladkova, A. A. (2015), "The Alternative of Deontological and Culture-centered Approaches while Interpreting Social Legitimization", *Tver State University Vestnik. Series: Philosophy*, no. 2, pp. 212–216 (in Russian).
- Somkin, A. A. (2011), "Cultural Centrism as the Main Direction of the Formation of Modern Socio-humanitarian Paradigm", in *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom obshchestve : materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Saransk, 26 sentyabrya — 31 oktyabrya 2011 goda (Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo). Vypusk 3* [Cross-cultural Communication in Modern Society : Materials of the II international Scientific Conference. Saransk, September 26 — October 31, 2011 (Language. Culture. Society). Issue 3], available at: <http://englishleo.ru/yazik/2011-21.php> (accessed 27 September 2020).
- Tolstyh, V. I. (2003), "Global Challenges and the Search for the Answer: Socio-cultural Aspects", in Gorbachev, M. S. (ed.), *Grani globalizacii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya* [Facets of Globalization: Difficult Issues of Modern Development], Al'pina Publisher, Moscow, pp. 36–41 (in Russian).
- Vernadskii, V. I. (1998), *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical Thoughts of a Naturalist], Nauka, Moscow, 522 p. (in Russian).
- Weber, K. M. (1959), "Kritische Studien auf dem Gebiet der kulturwissenschaftlichen Logik", in Weber, K. M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*, J. C. B. Mohr, Tübingen, ss. 215–290.
- Wimmer, F. M. (2002), *Essays on Intercultural Philosophy*, Satya Nilayam Publications, Chennai-Madras, 134 p.
- Zapesockii, A. S. (2008), "The Idea of Cultural-and-anthropological Model of Education", in Zapesockii, A. S. (ed.), *Kul'turno-antropologicheskie osnovy obrazovatel'noj deyatel'nosti: k voprosu o razrabotke kul'turocentristskoj modeli vysshego obrazovaniya* [Cultural and

Anthropological Foundations of Educational Activity: on the Development of a Culture-Centered Model of Higher Education], Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoyuzov, Saint Petersburg, pp. 11–26 (in Russian).

Рукопись поступила в редакцию / Received: 28.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 19.10.2020

Информация об авторе

Яркова Елена Николаевна
доктор философских наук, профессор
Тюменский государственный университет
625003, Россия, Тюмень,
ул. Володарского, 6
E-mail: mimus.lena@mail.ru
Авторский ORCID: 0000-0002-8914-2333

Information about the author

Yarkova, Elena Nikolaevna
D. Sci. (Philosophy), Professor
Tyumen State University
6 Volodarskogo St., Tyumen
625003 Russia
E-mail: mimus.lena@mail.ru
Author's ORCID: 0000-0002-8914-2333